

«единстве мирового глоттогонического процесса», о надстроечном классовом характере языка, о его «стадиальном» развитии путем взрывов, обусловленных скрещеннями, об обязательности яфетической ступени в истории всех языков мира. В соответствии с этими ложными положениями Марр, как известно, утверждал, что «доисторические племена, следовательно, по речи все те же яфетиды, одинаково сидят в русских Костромской губернии, как и финнах, равно и в приволжских тюрках, получивших вместе с финнами доисторическое праурало-алтайское рождение из яфетической семьи, разумеется, более раннее, чем индоевропейцы получили из той же доисторической этнической среды свое праиндоевропейское оформление...»¹¹. Таким образом, выходило, что угрофинские по языку народы, как и все другие народы Восточной Европы и Западной Сибири (да и всего мира), возникли путем трансформации первобытных яфетических племен в местах их коренного обитания. Когда, где и почему произошла эта внезапная трансформация, Марр объяснить не мог, для обоснования же ее возможности прибегал к пресловутому «анализу по четырем элементам», представляющему собой псевдонаучную лингвистическую эквилибристику и заслуженно сопоставленному И. В. Сталиным с гадианом на кофейной гуще¹².

К сожалению, аракчеевский режим, долгое время господствовавший в советском языкознании, и крикливые «антирасистские» фразы последователей Марра привели к тому, что многие исследователи, работавшие над проблемой происхождения угрофиннов, некритически восприняли марровскую концепцию их этногенеза (если вообще здесь можно говорить о «концепции») и даже старались всеми способами втиснуть в ее узкие рамки свои фактические материалы, которые лишь с большим трудом поддавались этой искусственной и насильственной операции.

Ряд ошибок, возникших под влиянием концепции Н. Я. Марра, был допущен и в моих работах, посвященных вопросам этнической антропологии и этногенеза народов угрофинской языковой группы. Так, в одной из статей 1936 г., разоблачая реакционность и фактическую несостоятельность антинаучных «теорий» о существовании расовой общности всех угрофиннов, я пытался их несомненную антропологическую смешанность объяснить с позиций Марра, считавшего, что все современные языковые «системы» (т. е. семьи) образовались на широких территориях в процессе непрерывных скрещений племен, говоривших первоначально на яфетических языках¹³. В более поздней работе о происхождении коми я избежал, правда, толкования этногенеза этого народа в духе Н. Я. Марра, но лишь в очень малой степени использовал конкретные данные о языке коми, без которых нельзя всесторонне осветить и их этническую историю¹⁴. Здесь сказался, несомненно, своего рода «запрет», тяготевший в годы аракчеевского режима в языкознании над всеми лингвистическими материалами, не прошедшими через препарирование их последователями Марра. Неправильную позицию я занял по некоторым вопросам также в полемике с Д. В. Бубрихом о задачах изучения угрофинских народов. Мираж пресловутой яфетической стадии заставил меня, ссылаясь на Марра, упрекать Д. В. Бубриха в недооценке «архаических» связей между народами Волго-Камья, Кавказа и Средиземноморья и даже призывать его к более широкому использованию трудов создателя мнимо-марксистского «нового учения» о языке¹⁵.

¹¹ Н. Я. Марр, Приволжские и соседние с ними народности в яфетическом освещении их племенных названий, Избранные работы, т. V, стр. 306.

¹² И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 33.

¹³ Н. Н. Чебоксаров, Из истории светлых расовых типов Евразии, «Антропол. журн.», 1936, № 2, стр. 193—227.

¹⁴ Н. Н. Чебоксаров, Этногенез коми по данным антропологии, «Советская этнография», 1946, № 2, стр. 51—80.

¹⁵ Н. Н. Чебоксаров, Некоторые вопросы изучения финноугорских народов в СССР, «Советская этнография», 1948, № 3, стр. 176—185; его же, Еще раз о не-

Критика взглядов Д. В. Бубриха на вопросы происхождения угрофинских народов велась мною с позиций Н. Я. Марра — о ведущей роли скрещений в процессе этногенеза и о позднем образовании современных языковых семей, которые будто бы развились на основе повсеместно распространенной в прошлом яфетической речи¹⁶. Аналогичные ошибки были допущены в работах, так или иначе связанных с вопросами этногенеза угрофиннов, и другими советскими антропологами, в частности Г. Ф. Дебецем¹⁷ и Т. А. Трофимовой¹⁸. Корни этих ошибок заключаются и здесь главным образом в принятии «на веру», без необходимой критической проверки многих положений Н. Я. Марра, который, несмотря на внешнюю «материалистичность» и даже «революционность» его «учения», по сути дела всегда оставался «лишь упрощателем и вульгаризатором марксизма, вроде «пролеткультовцев» или «рапповцев»¹⁹.

К каким нелепостям может привести идеалистический четырехэлементный анализ Н. Я. Марра в вопросах происхождения народов угрофинской языковой группы, показывает книга Н. И. Шишкина «Коми-пермяки», вышедшая в 1947 г.²⁰ и получившая на страницах «Советской этнографии», к сожалению, слишком мягкую, недостаточно принципиальную оценку²¹. Автор этой книги, слепо подражая Н. Я. Марру в крайне произвольных приемах анализа племенных названий, приходит к выводу, что народ коми сложился в результате скрещений нескольких самостоятельных этнических элементов: северо-восточного «пер», связанного с Печорой, западного «емь», тяготевшего к низовьям Вычегды, юго-восточного «коми», распространившегося из бассейна Камы, и, наконец, юго-западного «ису» или «йоз», проникшего на север с Вятки. Все эти этнонимы рассматриваются как «тотемные названия племен» (?); название «пермь» или «перемь» расшифровывается как двухэлементное скрещение (пер + емь), а название «коми» сопоставляется с именем зырянского божества «Куль»²². Таким образом, получается совершенно фантастическая картина связей и скрещений, к которым оканчиваются причастными самые различные племена от какой-то группы скифов (?) до прибалтийско-финской еми, столь милой сердцу сторонников идеи великой Финляндии от Балтики до Урала. От дальнейшего разбора псевдонаучных домыслов Н. И. Шишкина нас, к счастью, избавляет то, что домыслы эти уже получили в советской научной литературе должную оценку со стороны Д. В. Бубриха и И. П. Шаскольского, показавших, как этимологическая эквилибристика в духе Марра смыкается с этногенетическими построениями реакционных финских ученых²³.

Выход в свет гениальных трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания, открывший новый период в разработке проблем этногенеза вообще, дал в руки советских исследователей различных специальностей,

которых вопросах изучения финноугорских народов, «Советская этнография», 1949, № 2, стр. 197—204.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Г. Ф. Дебец, Турко-финские взаимоотношения в Поволжье по данным палеоантропологии, «Антропол. журн.», 1932, № 1, стр. 54—73; его же, Палеоантропология СССР, М.—Л., 1948 (особенно гл. IV, стр. 186—291).

¹⁸ Т. А. Трофимова, Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии, М.—Л., 1949; ее же, К вопросу об антропологических связях в эпоху фатьяновской культуры, «Советская этнография», 1949, № 3, стр. 37—74.

¹⁹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 33.

²⁰ Н. И. Шишкин, Коми-пермяки (Этногеографический очерк). Молотов, 1947.

²¹ См. рецензию В. Н. Белицер, напечатанную в журн. «Советская этнография», 1948, № 3, стр. 207—209.

²² Н. И. Шишкин, Указ. раб., стр. 5—42; схема на стр. 38—39.

²³ Д. В. Бубрих, Не достаточно ли емских теорий? Изв. Карело-Финского филиала АН СССР, 1950, № 1, стр. 80—92; И. П. Шаскольский, О емской теории Шёгрена и ее последователях, там же, стр. 93—102.

ного людьми только в IV—II тысячелетиях до н. э., к крупным языковым семьям, существующим и в настоящее время. Мысль эта опирается на положение И. В. Сталина о том, что «элементы современного языка были заложены еще в глубокой древности, до эпохи рабства»³⁸.

Учитывая все изложенные соображения, естественно предположить, что языки человеческих коллективов, проникавших на север Европейской части СССР с востока (антропологически преимущественно монголоидных), были родственны языкам позднейших народов Западной Сибири, т. е. могли принадлежать, по крайней мере частично, к уральской (угрофинно-самоедской) группе, в то время как языки коллективов, продвигавшихся с юга (антропологически главным образом европеоидных), относились скорее к индоевропейской семье, само существование которой в III—II тысячелетиях до н. э. вряд ли может вызвать какие-либо сомнения³⁹. Подобные же передвижения, сопровождавшиеся, вероятно, скрещиваниями языков и поглощением более слабых из них более сильными, происходили в Восточной Европе и позднее. Об этом с большой убедительностью свидетельствуют опять-таки палеоантропологические данные, относящиеся к бронзовому и железному векам. Так, например, в середине II тысячелетия до н. э. в Среднее Поволжье с юга проникают племена кочевников-скотоводов, принадлежавшие антропологически к относительно узколицим европеоидам восточно-средиземноморского типа⁴⁰. В период ананьинской культуры VII—II вв. до н. э. в Прикамье распространяется новая волна монголоидных элементов, связанная с переселением из-за Урала каких-то племен, входивших, вероятно, в угрофинскую языковую семью⁴¹. Средневековые краниологические серии, этническая принадлежность которых в большинстве случаев не вызывает уже сомнений; свидетельствуют о сложности антропологического состава угрофинских народов в это время. Достаточно отчетливо среди них выделяются три основные группы антропологических типов: переходная монголоидно-европеоидная, сосредоточенная главным образом в Волго-Камье и лишь частично на крайнем востоке Прибалтики (у берегов Финского залива), широколицистая европеоидная, распространенная на обширной территории от берегов Балтийского моря до Среднего Поволжья (в общем западнее и отчасти южнее первой группы), и узколицистая европеоидная, тяготеющая преимущественно к югу Волго-Окской области⁴². Характерными представителями первой группы являются, например, черепа из Поломского могильника IX в. (Кировская область)⁴³, второй — ижорские черепа из могильника XIII—XIV вв. под Гатчиной⁴⁴, третьей — черепа из финских могильников VIII—X вв. по реке Цне⁴⁵. Данные обо всех этих кранио-

³⁸ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 26.

³⁹ Б. В. Горнунг, К постановке вопроса об исторической общности индоевропейских языков, «Изв. АН СССР, Отд. литературы и языка», IX, 5, 1950, стр. 337—350; его же, О некоторых вопросах, связанных с образованием и развитием индоевропейской семьи языков, Тезисы докладов научных сотрудников Ин-та языкознания на объединенной сессии Ин-та этнографии, Ин-та истории материальной культуры, Ин-та истории и Ин-та языкознания АН СССР, М., 1951.

⁴⁰ Т. А. Трофимова, Антропологические материалы к вопросу о происхождении чувашей, стр. 57—61.

⁴¹ Т. А. Трофимова, Антропологический тип населения ананьинской культуры в Приуралье, «Краткие сообщения ИИМК», IX, 1940, стр. 42—47.

⁴² Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, стр. 214—248; В. В. Седов, Антропологические типы населения северо-западных земель Великого Новгорода, рукопись, 1951; Н. Н. Чебоксаров, Ильменские поозеры, Труды Института этнографии, новая серия, т. I, М.—Л., 1947, стр. 264—267.

⁴³ Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, стр. 215—217.

⁴⁴ Е. В. Жиров, Древние ижорские черепа, «Советская археология», II, 1937, стр. 151—160.

⁴⁵ Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, стр. 229—230 (см. также таблицы 94 и 95).

ваются среди удмуртов и мари⁴⁹, а также в отдельных группах мордвы⁵⁰ и коми (в верховьях Камы, на Иньве, Сыsole и верхней Мезени)⁵¹. В составе уральской группы имеются как относительно длинноголовые, так и относительно короткоголовые варианты; к последним принадлежит, в частности, так называемый «лапоноидный» тип — крайне низкорослый и низколицый, — характерный для саамов (лопарей), но встречающийся и среди соседних с ними северных карел⁵². За пределами угрофинской языковой семьи различные типы уральской группы широко распространены среди ненцев и селькупов⁵³, тобольских и барабинских татар⁵⁴, шорцев, алтайцев и хакасов⁵⁵, а также среди башкир⁵⁶, татар Поволжья⁵⁷ и чувашей⁵⁸. «Лапоноидные» и близкие к ним «сублапоноидные» элементы вошли в состав русского населения севера Европейской части СССР⁵⁹.

Вторая группа антропологических типов, обычная среди народов угрофинской языковой семьи — «беломорско-балтийская»⁶⁰, — принадлежит к европеоидной большой расе, но обнаруживает некоторые особенности, указывающие на вхождение в ее состав незначительной древнемонголоидной примеси⁶¹. Для этой группы характерно сочетание мягких, прямых или слегка волнистых волос, русых или белокурых по окраске, умеренно развитого третичного волосяного покрова, светлых глаз, небольшого по абсолютным размерам лица, средне профилированного в горизонтальном сечении, довольно ясно выраженной складки верхнего века, средневысокого переносья, вогнутой или прямой спинки носа. Различные типы рассматриваемой группы, как более короткоголовые, так и более длинноголовые, наиболее широко распространены среди прибалтийско-финских народов — эстонцев⁶², ливов⁶³, вепсов⁶⁴,

⁴⁹ В. В. Бунак, Антропологический тип черемис; П. И. Зенкевич, Характеристика восточных финнов, Ученые записки Моск. гос. ун-та, вып. 63, 1941.

⁵⁰ В. В. Бунак, Антропологический тип мордвы, «Русск. антропол. журн.», т. XIII, вып. 3—4, 1924, стр. 178—210.

⁵¹ Н. Н. Чебоксаров, Этногенез коми по данным антропологии (см. сводную таблицу, стр. 74—75).

⁵² Д. А. Золотарев, Кольские лопари, Л., 1927; его же, Карелы СССР, Л., 1930; Г. Ф. Дебеч, «Неприветливые» и «радушные», «Антропол. журн.», 1933, № 1—2, стр. 234—237.

⁵³ С. И. Руденко, Указ. раб.; С. А. Шлугер, Антропологическое исследование ненцев, «Краткие сообщения о научных работах Ин-та и Музея антропологии МГУ», М., 1941, стр. 23—26; Г. Ф. Дебеч, Селькупы (антропологический очерк), Труды Ин-та этнографии, новая серия, т. II, М.—Л., 1947, стр. 103—146.

⁵⁴ Т. А. Трофимова, Тобольские и барабинские татары, Труды Ин-та этнографии, новая серия, т. I, М.—Л., 1947, стр. 194—215.

⁵⁵ А. И. Ярхо, Алтае-сайские тюрки, Антропологический очерк, Абакан, 1948.

⁵⁶ С. И. Руденко, Башкиры, Опыт этнографической монографии, ч. I, Физический тип башкир, П., 1916.

⁵⁷ Т. А. Трофимова, Этногенез татар Среднего Поволжья в свете данных антропологии, «Советская этнография», 1946, № 3, стр. 51—74; ее же, Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии, М.—Л., 1949.

⁵⁸ Т. А. Трофимова, Антропологические материалы к вопросу о происхождении чувашей.

⁵⁹ Н. Н. Чебоксаров, Русские севера Европейской части СССР, «Краткие сообщения о работе Ин-та и Музея антропологии МГУ», 1941, стр. 65—66.

⁶⁰ Н. Н. Чебоксаров, Из истории светлых расовых типов Евразии, «Антропол. журн.», 1936, № 2, стр. 193—227; его же, Ильменские поозеры, стр. 247—253.

⁶¹ Н. Н. Чебоксаров, Основные принципы антропологических классификаций, Сборник «Происхождение человека и древнее расселение человечества», М., 1951, стр. 316.

⁶² J. Aul, Anthropologische Forschungen in Eesti, Tartu, 1935.

⁶³ J. Vilde, Materiali par Libiesu antropologiju, Latvijas Univers, Raksti, 1924, II, стр. 93—181.

⁶⁴ Г. Ф. Дебеч, Вепсы, Ученые записки Моск. гос. ун-та, вып. 63, 1941, стр. 139—174.

пример, пловдивских болгар⁷⁹ или адыге⁸⁰. Более короткоголовые варианты той же группы типов, известные в антропологической литературе под названием «альпийских» и «динарских», играют большую роль в расовом составе венгров и соседних с ними народов Центральной Европы, говорящих на славянских и германских языках⁸¹. Тяготение всех атланти-черноморских антропологических типов к югу, к бассейнам Средиземного и Черного морей совершенно очевидно.

4

Что же все-таки дают реально изложенные выше материалы по этнической антропологии народов угрофинской языковой группы для понимания процессов их этногенеза? Первый вывод, к которому приводит анализ этих материалов, — вывод о глубокой и очень древней антропологической смешанности угрофиннов, исключаяющей всякую мысль об их расовом единстве даже в далеком прошлом. Если принять, однако, вслед за большинством современных советских лингвистов, тезис о развитии всех угрофинских языков из одного корня — древнего языка-основы⁸², — то необходимо будет допустить существование в какую-то историческую эпоху реальной этнической общности людей, создавших этот язык-основу. Трудно представить себе, что такая общность, занимавшая, конечно, вполне определенную, географически ограниченную территорию, могла быть антропологически столь же разнородной, как современные народы угрофинской семьи. Гораздо более вероятно, что рассматриваемая общность включала в свой состав только одну из трех групп антропологических типов, описанных на предыдущих страницах. Но какую же именно? — вправе мы сейчас же поставить вопрос. Об атланти-черноморской группе здесь вряд ли можно говорить, так как она для народов угрофинской семьи явно не характерна и сосредотачивается только на южных окраинах области их расселения. Основной ареал этой группы типов лежит в таких странах Причерноморья и Западной Европы, где угрофиннов, очевидно, никогда не было. Трудно представить себе, что древние угрофинны первоначально принадлежали к атланти-черноморской группе, позднее же почти полностью «сменили» свои антропологические типы на уральские и беломоро-балтийские. Что касается двух других рассмотренных групп — беломоро-балтийской и уральской, — то «преимущество» в нашем вопросе оказывается скорее на стороне второй, поскольку первая, хотя и очень широко распространена среди угрофиннов (точнее, среди финнов), но не менее обычна и в составе других восточно- и центрально-европейских народов — славянских, балтийских (летто-литовских) и германских. По своему происхождению группа эта связана с берегами Балтийского и Белого морей, где вряд ли могла лежать область формирования угрофинской языковой семьи. Уральская же группа, не являясь также специфичной для угрофиннов, все же наиболее характерна именно для них или для народов, которые с ними были генетически связаны (селькупы, ненцы, частично также шорцы, алтайцы и хакасы). Складывались типы уральской группы, вероятно, в Приуралье и Запад-

⁷⁹ J. Dronschilow, Beiträge zur Anthropologie der Bulgaren, Arch. f. Anthropologie, Neue Folge, XIV, 1915.

⁸⁰ В. И. Левин, Этно-географическое распределение некоторых расовых признаков у населения Северного Кавказа, «Антропол. журн.», 1932, № 2, стр. 84—88.

⁸¹ L. Bartucz, Ein Abriss der Rassengeschichte in Ungarn, Ztschr. f. Rassenkunde, I, 1935, стр. 225—239; Н. Н. Чебоксаров, Антропологический состав современных немцев, Ученые записки Моск. гос. ун-та, вып. 63, 1941, стр. 271—308.

⁸² См., например, Б. В. Горнунг, В. Д. Левин и В. Н. Сидоров, Проблема образования и развития языковых семей, Тезисы докладов научных сотрудников Института языкознания на объединенной сессии Ин-та этнографии, Ин-та истории материальной культуры, Ин-та истории и Ин-та языкознания АН СССР, М., 1951.

, . . . ,

« »

83

« »

, , ,

, , , , ,

, , , , ,

~1

, , , , ,

, , , , ,

, , , , ,

, , , , ,

, , , , ,

, , , , ,

? , , , ,

) , , , , (

, , , , , ^,

! , , , , ,

, , , , ,

, , , , ,

, , , , ,

, , , , ,

ских народов (а также лопарей) первоначально говорили на языках, не принадлежавших к угрофинской семье, и лишь впоследствии усвоили угрофинскую речь, внося в нее некоторые своеобразные фонетические особенности⁸⁴. Весьма вероятно, таким образом, что задолго до начала расселения по северу Восточной Европы славянских племен жившие здесь угрофинны уже включали в свой состав крайне депигментированные типы беломорско-балтийской группы, ставшие среди них не менее распространенными, чем типы уральские. Недаром сложилась у более темных русских легенда о «чуди белоглазой», ушедшей в землю.

Совсем иной была, несомненно, история проникновения к угрофиннам антропологических типов атланти-черноморской группы. В этом случае можно действительно говорить о внедрении в угрофинскую этническую среду каких-то племен, связанных по своему происхождению с арало-каспийскими или причерноморскими степями, которые до первых веков н. э. были населены, как известно, различными ирано-язычными народами, принадлежавшими в антропологическом отношении к умеренно депигментированным европеоидам понтийского типа. Не случайно, конечно, наиболее отчетливо относительно темные антропологические компоненты атланти-черноморского облика выражены у мордвы-мокши — самой южной этнической группы угрофиннов. Для выяснения конкретных причин и путей проникновения этих компонентов к различным народам угрофинской языковой семьи должны быть привлечены не только антропологические, но и историко-этнографические данные, анализу которых автор намерен посвятить следующий очерк по вопросам угрофинского этногенеза.

---

⁸⁴ Д. В. Бубрих, Финноугорские языки Европы, (рукопись), 1949.